РЪЧЬ

при встръчъ тъла умершаго о. Михаила.

Что сказать при встрівчів съ тобою, дорогой дядя! Сказать: «здравствуй»? — но для мертвыхъ такого привітствія нітть; сказать: «прощай»? — но мы всі, твои сродичи, твои прихожане, твои друзья и сотоварищи по службів, пришли тебя встрітить и не обычнымъ порядкомъ, а со святыми иконами и торжественно-печальнымъ звономъ колоколовъ.

И вотъ мы стоимъ и недоумѣваемъ, — недоумѣваемъ тѣмъ болѣе, что печальная обстановка этой встрѣчи останавливаетъ теченіе мысли.

При такихъ ли обстоятельствахъ, такимъ ли ожидали мы встрътить тебя: безгласнымъ ли и бездыханнымъ и скрытымъ отъ насъ гробовой доской? Нътъ. Мы думали: вотъ воля Божія снизойдетъ къ тебъ и намъ и мы встрътимъ тебя здоровымъ, съ радостію и веселіемъ; думали: придешь ты къ намъ и къ твоей паствъ, осънить насъ Божівмъ благословеніемъ, привътствуешь насъ ръчью. Но... воля Божія судила намъ въ удъль однъ слезы: смерть сковала твои уста, говорящія о спасеніи, она закрыла твои глаза, смотрящіе на всъхъ съ любовію, связала твои руки и ноги, поспъщающіе на добро.

И вотъ мы всё, убитые горемъ, поспёшили притти сюда, чтобы принять твой прахъ и внести его въ то мёсто, гдё ты около 30 лётъ самоотверженно трудился о спасеніи ввёренныхъ тебё овецъ. Приди же, дорогой пастырь: вотъ паства, испуганная твоимъ оставленіемъ ея, жаждегъ твоего посёщенія. Навёсти насъ, послё 4-хъ мёсячной разлуки съ нами. Не сбылись наши ожиданія: не пришлось намъ видъть тебя по возвращении живымъ съ душою и теломъ, такъ поселись у насъ твоимъ прахомъ. Духъ же твой, мы всв въруемъ, всегда будетъ предстательствовать за насъ предъ престоломъ Всевышняго, какъ предстательствовалъ ты здесь на земль. Но знай, нашъ дорогой, что до самаго конца жизни нашей и мы будемъ возносить за тебя недостойныя наши молитвы. Твое незабвенное имя, поминаемое нами при жизни, не забудемъ и по смерти твоей.

Гряди же, дорогой нашъ, сопутствуемый нашими молитвами о упокоеніи души твоей.

C. Auxaveor.